1

Боялась ли Альбина Вадимовна зеркал? Да, боялась, но не вообще и не всегда. А только последние лет пять и поутру. Зеркал же в квартире Альбины Вадимовны было много, они остались ещё с тех времён, когда она была молода, красива и играла в самодеятельном театре. Понакупала их, дорогих, огромных, венецианских, резных, декоративных, понавешала на всех стенах своей маленькой, однокомнатной, но уютной квартирки.

Вот и лежит теперь в кровати и думает, как проскочить в кухню, к страстно желаемому кофе, и при этом не заглянуть в огромное зеркало в коридоре. Потом в ванную… а там просто зеркальный монстр висит и ехидно её каждый раз вопрошает:

– Ну что, докатилась?

Самое ужасное, что избавиться от зеркал, хотя бы части их, Альбине Вадимовне не представляется возможным. Зеркало, оно ведь не просто стекло, а нечто мистическое, таинственное. Оно имеет своё собственное пространство, в котором происходит своя особенная жизнь, причём абсолютно, отражательно, так сказать, связанная с жизнью внешнего мира.

Выбросить зеркало нельзя, а вдруг выбросишь какую-то важную часть той информации, которая накопилась в зазеркальном пространстве, и именно этого катастрофически не хватит потом в реальной жизни. Разбить – боже упаси – народная примета! А почему? Да потому, что в этом случае резко, взрывоподобно высвобождается вся негативная энергия,

накопленная в отражённом мире. Подарить… тоже ничего хорошего: а вдруг удачу, счастье даром отдашь кому-то. Завешать? Тьфу-тьфу-тьфу… подумается же такое!

Один, правда, вариантик реальный есть: снять зеркала и поставить здесь же, в квартире, где-нибудь в уголке. Но ведь обидеться могут… эти самые, обитатели отражённого мира, и Альбина Вадимовна ещё раз мысленно сплюнула, не с утра будь помянуты. Да и где? В маленькой квартирке Альбины ногу негде поставить, не то что громоздкие, снятые со стен объёмные рамы с отражающим стеклом.

Вот так и жила Альбина Вадимовна с разлюбленными зеркалами, неприязненно с ними общалась, бегала от них, отводила глаза, в общем, терпела, сосуществовала, так сказать. И подозревала, что они с ней тоже сосуществуют.

А ведь любили когда-то… так же, как и она их. Ах, она-то свои зеркала просто обожала. День и ночь крутилась перед ними, выставляя им на показ все свои молодые прелести. Посмотрите, какие у меня упругие груди, не маленькие, между прочим, третий верный размер, с подозрением на четвёртый. (Четвёртый потом стал, когда груди обмякли, но увеличились в размере, с подозрением на пятый). А попа? Округлая, соблазнительная! Талия тоже на месте и тонкая. Ну, не как у Людмилы Гурченко, но близко, очень близко. К тому же, Алечка была белокурая, хорошенькая блондинка, с негустенькими, но шелковистыми, чуть вьющимися локонами. Один из мужей Алечки, кажется, третий, Юра, даже называл её ласково «моя беленькая овечечка».

«Господи, как же я всем желанна, как же меня все любят!» – восторгалась Алечка на заре туманной юности, крутясь перед зеркалами, ну точь-в-точь как та мачеха из Пушкинской сказки: «Свет мой, зеркальце, скажи». И зеркала, как в той

же сказке, в унисон радостным хором подтверждали: «Да, да, ты на свете всех милее…»

Альбина Вадимовна вздохнула, чуть улыбнулась, чувство юмора было ей присуще, и решительно села на кровати. День предстоял, в общем, неплохой, если не испортить его с самого начала, то есть, если до кофе и ванны не заглянуть в какое-нибудь из зеркал.

2

Сотовый зазвонил, и Альбина Вадимовна, пришедшая, наконец, в себя от кошмарного утра и относительно довольная собой, схватила его:

– Кто?

«Слава Богу, Светочка»!

Ещё вчера подруги договорились встретиться где-нибудь в городе, но ни места, ни времени сразу не назначили. Это предстояло сделать теперь.

– В шесть часов в центральном парке, тебя устроит? – резким, не терпящим возражений голосом сняла все вчерашние недомолвки Светлана Ивановна. И Альбина Вадимовна облегчённо вздохнула: «Конечно, согласна, как она может быть не согласна со Светочкой».

– Да, да, Светик, жди! – и отважно рванулась к зеркалу в спальне.

Именно там, в спальне, стояло это божество, маленький косметический столик с небольшим, зато настоящим венецианским зеркалом. История приобретения этого зеркала была примечательной в том плане, что его подарил Альбине Вадимовне её второй муж, Александр Николаевич. Сам столик купили здесь в антикварном магазине, а вот зеркало было привезено из самой Венеции. Конечно, оно было самым дорогим и по цене, и по трогательным воспоминаниям.

Сказать по правде, Александр Николаевич был последним восторженно влюблённым в неё мужем, готовым выполнить любой каприз прелестной жёнушки. Потом пошло с точностью наоборот: она сама влюблялась и выполняла капризы своих избалованных мужей… ещё двух, если быть точными. После кошмарного развода с четвёртым, Анатолием, Толяшиком, как поначалу она его называла, Альбина Вадимовна раз и навсегда зареклась оформлять свои отношения с мужчинами и стала жить исключительно для себя. Но это отдельная история, которую Альбина не любит вспоминать.

Зато Александр Николаевич… Альбина неоднократно ловила себя на мысли, что, если бы бог ссудил ей прожить жизнь с одним мужчиной, то хотела бы она её прожить именно с ним, Александром Николаевичем. Не с первым, Ромочкой, которого безумно любила, и он её тоже, а с АНом, как она, по первым двум буквам имени-отчества, иронично называла Александра Николаевича.

Альбина, хоть это и льстило её женскому самолюбию, не любила вспоминать, как рыдал АН, как ползал, в полном смысле этого слова, перед ней, дурочкой, на коленях, большой, всё ещё сильный, состоявшийся в жизни, решающий «на раз» все прочие проблемы, мужик. А она, влюблённая в Юру, испытывала лишь чувство досады и мечтала об одном: скорее бы эта тягостная сцена закончилась, нет, всё-всё закончилось, что связано у неё с этим не интересным, надоевшим ей до чёртиков дядькой.

От АНа осталось лишь это зеркало… Именно оно не давало окончательно и напрочь забыть его. Более того из-за него, в этом более чем уверена, с годами она вспоминает АНа чаще, чем любого из четырёх мужей, даже Юру, которого беззаветно и безответно любила сама.

И ещё, это было единственное зеркало, которого она не боялась ни в какое время суток. Может быть, потому, что в

спальне всегда было полутемно, и чтобы что-то увидеть в зеркале, надо было включить бра над венецианским чудом. А может, причина в другом: в том, с какою любовью оно было когда-то подарено ей, молодой и красивой изменщице? Да что старое вспоминать, кто его помянет, сами знаете… И, мудро улыбнувшись, Альбина Вадимовна села на пуфик и включила бра.

3

Макияж был главным, из всех тех ухищрений, которые Альбина Вадимовна позволяла себе, чтобы скрыть возраст, иметь хорошее настроение, лететь, выйдя из дому, в сторону парка на встречу с подругой, представляя себя всё ещё молодой женщиной бальзаковского возраста. Хотя… даже это ложь! И бальзаковский возраст давно ушёл, как тот поезд, про который пропела Алла Пугачёва. Но мечтать не вредно, как говорится.

Зато со всем остальным не было проблем. С причёской, потому что не было волос, да, да, тех самых, светленьких, шелковистых. Ну, то есть они были, конечно, но в таком количестве, что Альбина Вадимовна вынуждена была прибегать к неординарным мерам, не отращивать, а как раз коротко их стричь, чтобы все думали, что это такой стиль, а не отсутствие волос. Когда-то это было даже удобно: надевать парики, ей, актрисе самодеятельного театра, не составляло труда. А сейчас… коротко, но художественно выстриженные волосы оставалось только правильно прилизать и зафиксировать лаком.

С одеждой тоже проблем не было, одежды было тьма! Определённые трудности всё же при этом существовали, и они заключались в том, что, когда одежды слишком много, выбрать наряд так же трудно, когда её нет совсем. Но сегод-

ня Альбина знает, в чём пойдет: в белом костюме из лёгкого тонкого батиста, на улице жара.

Последние детали макияжа и туалета были закончены, Альбина Вадимовна решительно шагнула к коридорному зеркалу и со смелым вызовом взглянула внутрь неумолимого зазеркалья. Что оно может ей предъявить, моложавой, приятной наружности, ещё совсем не старой женщине? Что она полновата? А ничего, что при этом так пропорционально сложена, что полноту эту и полнотой не назовёшь, стиль такой, не всем же худышками быть, как… Света.

Резко очерченные, в узкую ниточку, хара́ктерные губы, которые особо не подчеркнёшь помадой? Но они и теперь показывают характер, капризный, как и в молодости, эгоистичный, самовлюблённый, жаждущий удовольствий… разных, в последнее время, правда, их ассортимент сузился до чего-нибудь вкусненького, в… не самом плохом ресторанчике-кафешке. Такие губы как раз и не надо бы замазывать совсем.

«Нет, какого чёрта я комплексую?» – гневно вопрошала себя Альбина Вадимовна, раскованно, свободно стоя перед коридорным, во весь рост, трюмо. Получалось, как когда-то на сцене, когда она блистала перед публикой своего района, а так же съехавшимися со всего города гостями. «Ну, кто тебе сказал про поезд? Пугачёва? Сама-то что вытворяет!» – и, после некоторой паузы, крайне довольная собой, добавила: «Всё-всё, пора, сейчас получу от Светы за опоздание».

4

В парке было ещё жарковато, но уже гулял прохладный, услужливый ветерок. Пока никто не видит, а предмет страсти делает вид, что не замечает, любопытный нахалёнок вальяжно залетает под юбки, треплет блузочки, небрежно прикасается к глазам, щекам. И… ничего с ним не поделать, приятно!

А вот и она, Света! Честно сказать, Света, а вернее Светлана Ивановна, была полной противоположностью Альбины Вадимовны, но именно той противоположностью, с которой сходятся. Она была высокой брюнеткой, резкой в суждениях, со своим единственно верным и правильным мнением. И кто его не разделял, вскоре становился бедным. Всё, что она позволяла очень близким ей людям, – это думать немножко иначе, чем она сама, но при этом всё равно старалась долгими уговорами и терпеливыми доводами вывести заблудшую овцу из дремучего леса опасных заблуждений.

Такой характер Светлана Ивановна получила от отца, а закреплён он был всею последующей сложной, героической и бескомпромиссной жизнью. Единственный её мужчина, майор МВД, афганец, герой! Хоть книгу пиши, хоть кино снимай. Если бы не плен, из которого она его истово и страшно долго ждала, если бы не подорванное здоровье… Сейчас она одна.

Нет, у неё, конечно, есть сын, весь в отца, героический и абсолютно самостоятельный. Настолько, что Светлана Ивановна чувствует себя одинокой и никому не нужной. Невольно, неправильно чувствует, потому что сын как раз глубоко порядочный и любящий её беззаветно. Но… живёт далеко, с прекрасной, тоже самостоятельной и со всем справляющейся любимой женой своей Ниной. Они зовут её к себе. Ах, если бы им нужна была её помощь, она примчалась бы, прилетела на крыльях. Вот после этого и думай, что самостоятельные, состоявшиеся дети однозначно хорошо…

Светочка совершенно не следила за собой. В молодости красивая, как богиня, причём богиня – жена бога. А Светочка считала себя замужем всегда, даже когда ждала Диму из плена, впрочем, не зная, что он в плену. Просто ждала не вернувшегося с войны мужчину. Что он не вернулся именно к ней, а куда-то вернулся, даже мысли не допускала. Не вер-

нулся, значит, с войны́. Она не ходила в военкоматы, не наводила справки: зачем, он не вернулся, значит, иначе не может.

Она не получала пособий на воспитание сына. Дима ведь не был мужем, это потом он им стал, когда вернулся и узнал, что у него есть сын. Сама воспитывала, сама везла на горбу свою не очень к ней ласковую судьбу и… считала себя мужней женой, как и сейчас считает, когда уже давно вдова.

И всё это время, точнее, когда Дима был на войне и сразу после того, как ушёл «туда», то есть большую часть своей жизни, совершенно не следила за собой. Ей стало безразлично, такого Димы больше не будет, это штучный товар, а другого ей не надо. Ходила всегда в одной и той же юбке, узкой, тёмной, удобной, или в привычных брюках, изредка меняла свитера, нарядным считался белый. Для летней неизбежной жары существовали светлые брючки и несколько футболок. Всё!

Но, боже, она и в этом одеянии была богиней! Стареющей? Да! Несколько растерявшей уже красоту? Да! Но – богиней! Люди, которых она пускала в круг своего общения, могли сразу и не понять её божественную сущность: баба и баба, одинокая к тому же, взбалмошная, требует чего-то, доказывает недоказуемое, отстаивает заведомо провальное. Но это только поначалу, потом проникались и становились поклонниками: писали с неё картины, посвящали стихи, доверяли самые задушевные тайны, доверчиво дружили и… никогда не были ею преданы! Но и никогда не получали больше того, что им полагалось с точки зрения этой удивительной женщины.

(Продолжение следует)